



Раздел VI РЕЦЕНЗИИ

Д. Бебеши, А. Колонтари

ДВОЙНОЙ ЮБИЛЕЙ БУДАПЕШТСКОЙ ШКОЛЫ «РУСИСТИКИ»

A mi Ruszisztikánk. Tanulmányok a 20/25. évfordulóra. Szerk.: Szvák Gyula. Ruszisztikai könyvek. Russica Pannonicana 2015. 415 o. [Наша русистика. Научные сообщения в честь 20/25 летие. Под ред. Дьюла Свака. Книги по русистике XL. Будапешт, Руссика Панноникана, 2015. с. 415]

Годовщины и юбилеи дают возможность человеку приостановиться и подвести итоги своей деятельности. В подобных случаях мы обычно сравниваем наши изначальные намерения, целевые установки с теми результатами, которых мы добились, и составляем планы на будущее. Это подведение итогов сделал в своей большой обзорной статье в юбилейном сборнике «Наша русистика» профессор Дьюла Свак, выдающийся учёный и основатель ведущий школы венгерской русистики, по поводу 20-летия Центра русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша. Справедливости ради необходимо отметить, что его предшественник, Институт русистики, был создан на пять лет раньше, так что в 2015 г. они могли отметить уже свое двадцатипятилетие.

Автор отмечает, что исследование «русской темы» никогда не являлось легким делом в Венгрии. У этого были научно-исторические и политические причины. Когда с 1940 г. исследование всемирной истории заняло достойное место в венгерской историографии, историки сосредоточили основное внимание на изучении истории западноевропейских государств, применяя главным образом сопоставительную и сравнительную методологию.

Только после Второй мировой войны в следствие известных геополитических изменений начали заниматься историей России и Советского Союза. В центре внимания историографии долгое время стояла история двухсторонних отношений, в Венгрии основательная, синтезирующая монография по истории России не выходила вплоть до смены системы, также не было отдельного научного центра в стране для изучения истории России.

Так что основание Института русистики (в дальнейшем Центр русистики) явилось своего рода переломным пунктом, несмотря на то, что политическая атмосфера была не особенно благоприятна. Главная задача Центра заключалась в создании интеллектуальной и институциональной инфраструктуры, в воспитании нового поколения русистов, а также в обеспечении им публикационных возможностей. Среди последних необходимо упомянуть серии «Книги по русистике», «Советские», а затем «Постсоветские тетради».

В научном плане вместо прежней идеологической предопределённости требовались новые подходы, методы. Сотрудники Центра старались опираться на лучшие традиции российской историографии, а также на критический анализ исторических источников. Как профессор Д. Свак справедливо отмечает, российская историография и после смены системы жила в мире нарратив, только ориентиры и ценности менялись. В венгерской же историографии хотя и доминировал критический анализ источников, основное внимание уделялось политической истории и исто-



рии государства. Сотрудники Центра русистики, не отказываясь от макро-истории и больших нарратив, в своих публикациях на первое место ставили историографический анализ источниковой базы. В этой области необходимо отметить переиздание на венгерском языке источников истории России. Существенным результатом деятельности Центра русистики явились написание и издание первого в Венгрии большого синтеза «История России», книги по истории Дома Романовых, организация конференции и издание сборника, посвященного тематике ГУЛАГ.

Центр русистики за время своего существования претерпел несколько структурных изменений. На базе Будапештского университета и Венгерской академии наук была создана отдельная исследовательская группа по русистике, что дало возможность лучше и более эффективно использовать материальные ресурсы. Центр был органично интегрирован в университетские структуры, о чем свидетельствует открытие магистратуры по русистике с 2010 г., дающей дипломы «эксперт по России». А с 2013 г. студенты могут поступать в совместную с российскими вузами магистратуру. С 2010 г. в рамках докторской школы по истории университета была создана отдельная докторская программа по русистике.

Центр русистики имеет и широкие международные связи, разветвленную партнерскую сеть, активно участвует в различных международных проектах. Важнейшими элементами этой активности являются: организация конференций, редакторская деятельность в международных журналах по русистике, составление совместных изданий, архивные, базовые исследования и т.д. Таким образом, за 25 лет своей деятельности Центр неслучайно завоевал значительную международную репутацию. Директор Центра, проф. Д. Свак, является председателем Совместной комиссии российских и венгерских историков ВАН и РАН с венгерской стороны.

Центр также работает в тесном сотрудничестве с исследовательскими коллективами других венгерских вузов, которые за-

нимаются русистикой либо отдельно, либо в рамках истории стран Восточной Европы и Балкан.

В своей вводной статье Д. Свак коротко представляет своих бывших и настоящих сотрудников, их сферу деятельности. В первую очередь он упоминает Тамаша Крауса, который в отличие от занимающегося медиавистикой Д. Свака, всегда интересовался историей советского периода. В 1990-е годы в центре его научного интереса стояли исторические предпосылки сталинского поворота в советской истории. Его книга «*Советский термидор*» пользовалась большим успехом в научной жизни, она была издана даже в Японии. В 2000-е годы он начал заниматься ленинским наследием и его реинтерпретацией. Вместе с Д. Сваком они изучают причины упадка венгерского и восточноевропейского футбола в контексте смены политических режимов. В последние годы занимается военными преступлениями венгерских оккупационных войск на территории СССР.

В рецензируемом нами сборнике по этой же теме публиковался вместе с его постоянным соавтором Евой Марией Варгой. Их статья была написана на основе документальной базы из Центрального архива ФСБ, документы представляют собой материал т.н. генеральских процессов 1947 г., т.е. привлечения советскими органами к судебной ответственности венгерских генералов. Весь процесс шел в сотрудничестве с венгерскими властями, но как отмечают авторы, до сих пор неизвестно, какими именно методами советские органы вели расследование против военных преступников. После смены системы и распада СССР на основе закона о реабилитации жертв политических репрессий все дела были пересмотрены, и в 21 случаях Главная военная прокуратура находила приговор обоснованным и оставляла его в силе. Авторы обращают внимание на то, что в военных преступлениях тесно переплетались две плоскости, карательные акции в рамках антипартизанских операций и бесчинства (грабежи, насилие, убийства), последние часто старались оправдывать и покрывать первой.



Авторы также подчеркивают необходимость изучения военных преступлений, совершенных солдатами Красной армии на территории Венгрии. Свою деятельность они рассматривают в контексте этой комплексной задачи.

Редактор сборника находится в нелегком положении при представлении своей собственной деятельности. Д. Свак со сдержанной объективностью говорит о различных этапах своей научной карьеры. В центре его научного интереса стояли поиск ответа на «большие вопросы» истории российской общественной мысли и специфический характер русского исторического развития. Результаты своих историографических и методологических исследований он синтезировал в монографии *«Место России в Евразии»*. Главным достижением своей деятельности он считает подключение новых подходов и тем в сферу исследования помимо традиционных нарративов. Свою методологию он называет микроисториографией. В своих публикациях он помимо прочего изучает историографию «русского феодализма», изменения образа России во внешнем мире и т.д. Его деятельность высоко оценивается, как и на Востоке, так и на Западе. Доказательством этому служит тот факт, что его книга *«Русская парадигма. Русофобские заметки русофила»* была издана в России, а издание Оксфорд Университи Пресс попросило его написать главу о российской историографии XIX века. Публикации Д. Свака в значительной степени обогатили наши знания в области истории российского общества и менталитета. Он также известен в стране как редактор множества изданий, обеспечивший и обеспечивающий возможность публикации для своих коллег, в том числе и для молодых историков-русистов.

Шандор Сили в обстоятельной монографии представил венгерским читателям разные концепции российских и советских историков по вопросу завоевывания Сибири и ее присоединения к Российской империи. Вторая отрасль его исследований – история Киевской Руси, в области

которой он добился серьезных результатов, открыл ранее неизвестные детали в русско-венгерских отношениях того времени. Перевел на венгерский язык и снабдил комментариями важнейшие источники истории русского средневековья. Составленный им сборник документов *«Норманнский вопрос в русской истории»* является образцовым изданием в области критически-компаративного источниковедения. Книги выдающегося российского историка Руслана Скринникова доступны венгерским читателям в переводе Шандора Сили.

В сборнике «Наша русистика» Ш. Сили опубликовал статью *«К вопросу употребления слова «каган» в титулах Киевских князей в XI в.»*. «В исторической литературе» – пишет Ш. Сили – «существует четыре точки зрения по этому поводу». Проанализировав лингвистические, этимологические и исторические аргументы, греческие и латинские источники помимо древнерусских, он приходит к выводу, что князья Владимир и Ярослав оттеснили на задний план других членов династии Рюриковичей и правили Киевской Русью самостоятельно, единовластно, а употребление среди своих титулов слова «каган» было призвано подчеркивать их превосходство над остальными восточнославянскими князьями.

Сергей Филиппов также является основателем и с самого начала членом Центра русистики. Сфера его научного интереса охватывает историю Русской церкви, историю русской культуры и мышления в XIX в. Он внес значительный вклад в венгерскую историографию, переведя и издав источники истории России XIX в. Среди множества изданий мы можем здесь упомянуть сборник *«Меламорфозы русской идеи. Русский консерватизм, либерализм и радикализм»*, который является незаменимым учебным пособием во многих вузах, где занимаются историей России. С. Филиппов также является постоянным лектором и переводчиком русскоязычных изданий Центра русистики.

В рецензируемой нами юбилейном сборнике, он опубликовал статью *«Убий-*



цы с мягким сердцем. Политический террор в России в последней трети XIX в.», что даже своим заглавием обращает на себя внимание читателей. Автор изучает идеологию первой современной террористической организации «Народная воля», главным образом моменты самооправдания, аргументы в пользу применения насилия. В ходе краткого обзора истории народничества он затрагивает вопросы радикализации движения, террора, краха хождения в народ, феномен Нечаева. Подробно останавливается на процессе Веры Засулич, где ее поступок трактуется в рамках «мести», «революционного правосудия» и «вынужденной самозащиты». «Анархисты» – отмечает автор – «считали, что уже сам тот факт, что они ведут борьбу против власти за освобождение народа, дает им моральное оправдание за кровавые акции, но со временем террор вышел из-под контроля его исполнителей, стал «самоходным средством» и оказался «контрапродуктивным». Убийство царя-реформатора (после целого ряда неудачных попыток) не поднимало народ на восстание против власти и не побудило власть пойти на уступки. Новый император отказался даже от прежних реформ и совершил консервативный поворот.

Среди основателей Центра русистики мы также находим Золтана С. Биро. Он занимается историей русского либерализма в последней трети XIX в. – первых двух десятилетиях XX в. Вторая отрасль его научных исследований – история позднего советского, постсоветского периодов вплоть до наших дней. Этой теме помимо множества статей и сообщений он посвятил две свои монографии: «Возвращение России» и «Россия: годы кризиса». Он также известен как эксперт по современной России, публикуется в изданиях по внешней политике, безопасности, выступает в СМИ по актуальным вопросам российской политики, за его анализом ситуации всегда стоят глубокие знания (в том числе и знание исторического фона событий) и широкий кругозор.

Его статья в юбилейном сборнике свидетельствует о том, что, несмотря на

переход на политологию, его интерес к историческим проблемам по-прежнему оставался. Статья опубликована под заглавием «Россия во второй половине XIX в. Структура и важнейшие элементы политической системы» и является частью готовящейся большой монографии, в центре которой стоит изучение проблемы конституционных реформ в России в XIX в. Россия в отличие от многих европейских стран в начале XX в. все еще была самодержавным государством. В первой половине статьи С. Биро перечисляет prerogatives императора, которые определяли характер и свойства царской власти. Особое внимание он уделяет употреблению и толкованию терминов «самодержавие» и «неограниченность». В этом отношении он цитирует известные мысли Д. Мережковского о том, что православный самодержец именно из-за миропомазанного характера власти не может так легко отказаться от полноты власти и стать конституционным монархом, как это случилось в Западной Европе. До Петра I рамки царской власти были определены обычным правом и только с 1716 г. стали кодифицированы prerogatives монарха в письменном виде. Хотя в юридическом смысле полноправная и суверенная власть императоров до начала XX в. ничем не была ограничена, но все же за 200 лет на высшем уровне управления государством произошли существенные изменения. Во время царствования Николая I начались унификация законодательства и собрание всех прежних законов в единую систему. В результате этого процесса в 1830 г. вышло в свет «*Полное собрание законов Российской империи*». В ходе этих изменений были созданы подчиненные императору верховные, центральные учреждения для управления империей: Государственный совет, Комитет министров и Совет министров, Собственная Его Императорского Величества канцелярия и ее департаменты. Автор подробно анализирует обстоятельства их учреждения, их компетенции и приходит к, безусловно заслуживающему внимания выводу, что «...с начала XVIII в.



в России постепенно стали разделяться друг от друга законодательная, исполнительная и судебная ветви власти... что в принципе могло бы служить основой для действительного разделения власти...».

До своей тяжелой болезни и ухода на пенсию с Центром русистики был тесно связан Ласло В. Молнар. Его деятельность охватывает российско–венгерские культурные связи XVIII–XIX вв. (его монография и по сей день является основным трудом по этой теме), но среди его любимых тем мы также находим и период царствования Екатерины II. Его исследования опираются на широкую базу архивных документов, он очень образно описывает портрет исторических личностей.

В сборнике *«Наша русистика»* опубликована его статья: *«Ученый из Венгерского королевства на службе у двух императоров. Михай Балудьянский 1769–1847 гг.»*. «Имя Михая Балудьянского» – подчеркивает автор – «в наши дни очень малоизвестно, как и венгерским, так и российским читателям, хотя в свое время у него были немалые заслуги в попытках реформ Александра I и Николая I, направленных на модернизацию империи». Он окончил Юридический факультет Венского университета, потом преподавал в Надьварадском университете, был связан с организацией «венгерских якобинцев». В 1803 г. по приглашению Яноша Орлаи, личного врача императора Александра I, он поехал в Санкт-Петербург. В России он сделал большую карьеру, играл важную роль в университетской и юридической жизни. Стал преподавателем Петербургского института, совместно с М. Сперанским он принимал участие в разработке концепций реформ, и в отличие от его соавтора он предлагал учреждение двухпалатного парламента. Его заслуги и способности императорским двором были признаны и тем, что ему поручили читать лекции по истории и праву великим князьям Николаю и Михаилу. Вместе с С. С. Уваровым М. Балудьянский разработал устав Санкт-Петербургского педагогического института. Он стал первым деканом, потом после его преобразования в университет ректо-

ром данного учреждения. После консервативного поворота А. Аракчеева М. Балудьянский временно был отстранен от преподавания, но продолжил свою работу в законодательной, юридической сфере, в том числе у министра финансов Д. Гурьева над проектом решения крестьянского вопроса и над вышеупомянутым составлением *«Полного собрания законов Российской империи»*. За свою деятельность М. Балудьянский был награжден несколькими орденами Российской империи. В 1807 г. он получил бриллиантовое кольцо Александра I, в 1811 г. он стал кавалером ордена Святого Владимира 4-й степени (тем самым получил наследственный дворянский титул), в 1833 г. получил Орден Белого орла (вместе с правом пользования на имение в Подолии и ежегодным жалованием в размере 3500 рублей до конца жизни). Незадолго до своей смерти он посетил Венгрию и Вену, где он, бывший надьварадский преподаватель, ставший «тайным советником и сенатором» в России, был принят с большим почетом. Он скончался через два года в Санкт-Петербурге. Представив его деятельность венгерским читателям, В. Молнар заполнил много «белых пятен» даже для специалистов данной эпохи.

Габор Дьёни – самый молодой сотрудник Центра русистики, имеющий уже серьезную научную репутацию. Свою кандидатскую диссертацию, в которой он изучал эволюцию теорий о прародине венгров, он защитил в Екатеринбурге. Исходя из текстов восточнославянских летописей, которые раньше были упущены из внимания, он пришел к выводу, что монах-доминиканец Юлиан Венгерский в 1235 г. нашел восточных венгров в районе Биляра. Еще, будучи аспирантом, Г. Дьёни стал интересоваться историей Новгорода средних веков, в настоящее время помимо других тем он занимается и этническим вопросом в современной России. С 2010 г. он является редактором венгерской версии портала Русский мир, который играет важную роль в передаче объективной информации о России в Венгрии.



В рецензируемом нами сборнике его статья опубликована под заглавием «*Олег Святославович: линии раскола и выборы между альтернативами*». Важность и значение изучения борьбы между великим князем киевским Владимиром Мономахом и князем Олегом Святославичем заключаются в том, что здесь мы имеем дело не просто с соперничеством двух личностей, а речь идет о столкновении двух геополитических альтернатив, двух союзнических систем, и необходимость выбора между ними оказалась вопросом, время от времени поднимавшимся в истории Руси. Г. Дьёни в своей статье опирается главным образом на русские источники и историческую литературу, подробно описывает ход борьбы с переменным успехом, союз Олега с половцами, Любечский съезд 1097 года. Была сделана попытка умиротворить Олега, что было тем более важно, что на южных границах из-за половецких набегов создалось критическое положение. Заключенное на съезде соглашение оставило в силе завещание Ярослава Мудрого, провозгласило принцип наследования князьями земель своих отцов и Святославичи получили Чернигов. Вторую половину статьи автор посвящает памяти Олега в зеркале противоположных друг другу исторических интерпретаций. Он также подчеркивает, что, хотя Олег, проводивший особый политический курс против других князей, своих же родственников, в своих походах обычно терпел поражение, его политическое наследие, союз с восточными кочевниками с целью упрочения своей власти, как возможная политическая альтернатива, будет играть значительную роль в дальнейшей истории России.

В сборнике помимо работ бывших и настоящих сотрудников мы также находим публикации тех, кто тем или иным способом связан с деятельностью центра. В первом историографическом блоке опубликованы статьи Александры Медзибродски («*«Арийские» славы и «туранские» москвиты. Теория Ф. Духинского и критические отклики на нее*» Саболча Шухайда («*Тенденции в российской историографии в свете последних лет. Дея-*

тельность Андрея Медушевского во главе журнала «Российская история»»).

«Теория Духинского» – отмечает автор – «является крайне расовым подходом, суть которого сводится к тому, что поляки и украинцы, настоящие славяне, принадлежат арийским народам, а русские, по сути, и по своей души – туранская раса». Теория в свое время оказывала большое влияние на украинское политическое мышление, но против нее выступали такие фигуры, как Н. Костомаров и Я. Бодуэн де Куртенэ. Первый критиковал Ф. Духинского с позиции украинского национализма, а второй отметил отсутствие научного подхода и научных исследовательских методов в его концепции.

Саболч Шухайда в своей объемной статье изучает деятельность А. Медушевского, как главного редактора журнала «*Российская история*», а также причины его ухода с этой должности. Путем анализа программы и деятельности А. Медушевского С. Шухайда старается выявить основные тенденции и дискуссии в современной российской историографии. Автор обращает наше внимание на то, что А. Медушевский считал важным исследование тех сюжетов, которые могут обосновать новую российскую национальную идентичность XXI в. Историографию А. Медушевский хотел превратить в своего рода прикладную науку, которая дает ответы на актуальные вопросы и формулирует предложения для нынешней власти. Являясь его главным редактором, А. Медушевский преимущественно включал в журнал статьи по политической и юридической истории, особое внимание уделялось предыстории российской конституционности, пока другие не менее важные темы отошли в задний план. В конце статьи С. Шухайда констатирует, что российская историография ищет свое место, идентичность, и деятельность А. Медушевского вписывается в этот процесс. В конечном итоге на практике все это привело к обратному результату, и вместо того, чтобы российская историография становилась комплексной всеохватывающей научной дисциплиной, она претерпела некую маргинализацию.



Во втором блоке сборника помимо уже упомянутых статей Ш. Сили и Г. Дьёни мы находим статью Оршои Санисло «*Начало социальной интеграции женщин в последствиях петровских реформ*». Автор отмечает, что реформы Петра были направлены на модернизацию империи. В рамки данного процесса вписывается и социальная интеграция женщин, хотя изначально это не фигурировалось среди целей. Традиционно жизнь женщин благородного происхождения протекала в стенах «терема», в закрытой части боярских домов. Когда они выходили замуж, они переходили из-под отцовской власти в терем своих мужей. Хотя о степени действительной изолированности женщин идет дискуссия в историографии, несомненным является то, что официально Петр I разрешил им покидать терем в своем постановлении 1702 г. Старые традиции и обычаи были оттеснены на задний план. Вернувшись из Великого посольства, государь сделал обязательной венгерскую и немецкую моду в одежде, которая по сравнению с традиционной одеждой, соответствующей строгой православной морали и суровым климатическим условиям, показалось фривольной. С 1701 по 1724 гг. Петр издал 17 указов с целью распространения западной моды в одежде. После смерти Петра I его дочь Елизавета продолжила политику определения моды. Согласно практике реформ сверху, новые обычаи сначала распространялись в придворных кругах, в элите, а потом со временем им стали подражать нижние слои общества. Вторым обстоятельством, благоприятствовавшим прекращению оторванности двух полов друг от друга в социальном пространстве, была попытка ввести европейскую бальную культуру. В этом ряду необходимо упомянуть т.н. Петровские ассамблеи (по французскому примеру), где женщины не только могли, но были обязаны присутствовать, они должны были носить европейскую одежду, усвоить новый придворный этикет, танцы и т.д. Все эти мероприятия, несмотря на отрицательную сторону (они иногда могли переходить в

пьянство, разгул и т.д.), привели к тому, что ко второй половине 18 в. женщины постепенно могли выйти из прежней социальной изоляции и восприниматься как активные, признанные члены общества.

Третий блок сборника посвящен тематике Нового времени. Здесь, помимо работ З. С. Биро, Л. В. Молнара и С. Филиппова опубликовали свои статьи Эржебет Боднар, Жофия Месарош и Силвия Надь. Э. Боднар в своей статье «*Русско-французские переговоры о разделе Османской империи в 1807–1808 гг.*» старается выяснить, насколько эти переговоры отражают истинные намерения российского правительства. Русское внешнеполитическое руководство считало Турцию слабым, следовательно желательным соседом, который до 1804 г. не очень активизировал себя в европейских делах, поэтому в Санкт-Петербурге не особенно занимались вопросом раздела. Ситуация изменилась в связи с экспансией Франции, когда Стамбул нарушил подписанный в 1805 г. с Российской империей договор. В ответ на этот шаг Россия на правах протектора ввела свои войска в румынские княжества, и с 1806 г. две империи опять находились в состоянии войны. Идея раздела Османской империи была выдвинута во время заключения Тильзитского мира и скорее всего, исходила от Наполеона. По мнению Э. Боднар, искусные российские дипломаты были не особо в восторге от «восточного плана» французского императора, для них было ясно, что таким образом они получили бы соседом вместо слабой Турции сильную Францию, к тому же Австрию тоже было бы невозможно исключить из сделки. Так, от этого выиграла бы только Франция, которая никогда не согласилась бы на установление контроля России над проливами. Поэтому Санкт-Петербург был сторонником только частичного раздела, заявив претензии на Бессарабию и на румынские княжества. Раздел «наследия Османской империи» и после Тильзита оставался на повестке дня, по этому вопросу была развязана настоящая дипломатическая дуэль между Россией и



Францией: Э. Боднар подробно излагает отдельные фазы этой дуэли в своей статье. Даже когда после длительных переговоров 9 марта 1809 г. между дипломатами было достигнуто соглашение по этому вопросу, ни Наполеон, ни Александр I не проявили особого интереса к его скорейшей реализации. Наконец, на Эрфуртском конгрессе в сентябре 1808 г. Россия успела осуществить свои планы частичного раздела. Наполеон, руки которого были связаны испанскими делами и войной с Великобританией, не воспротивился занятию Бессарабии и Дунайских княжеств русскими войсками. Но полный раздел был не в интересах России, более того ст. 11. Эрфуртского соглашения давала гарантию на сохранение территориальной целостности Османской империи. Таким образом, минимальная цель российской дипломатии была достигнута, после этого она стремилась к тому, чтобы на двухсторонних встречах вопрос раздела больше не поднимался.

С. Надь представляет читателям один сюжет своей темы исследования: *«Вера Засулич. От терроризма к марксизму»*. Автор обращает наше внимание на то обстоятельство, что, хотя оправдание Веры Засулич после ее покушения на Трепова дало сильный толчок к развязыванию политического террора, сама Засулич не была террористкой, она позже отвернулась от народничества и стала марксисткой. Объектом анализа статьи является ее поворот к марксизму. Надь детально перечисляет все важные элементы биографии В. Засулич, от ее принадлежности к группе «Южные бунтари» бакунинского толка, подключения в народническое движение до известного покушения и последующего процесса, изучает отклики газет разных политических направлений, аргументы за и против вердикта присяжных. После оправдания Засулич покинула Россию, ездила в Швейцарию. Во время ее тайного возвращения на родину она примкнула к умеренному крылу народников («Черный передел»). Но вскоре она опять была вынуждена покинуть страну. В Женеве она

познакомилась с Плехановым и стала изучать марксистскую литературу. Все это означало значительный поворот в ее жизни, благодаря чему мы вправе причислять ее к ранним представителям русского марксизма. Засулич считала своим долгом содействовать адаптации разработанного для Западной Европы марксизма к российским условиям. Важные теоретические работы марксизма (в том числе и *«Нищета философии»*) вышли в свет на русском языке в ее переводе. О ее деятельности очень положительно отзывался и сам Ф. Энгельс.

Философско-эстетическая статья Ж. Месарош *«Дмитрий Писарев, альтернативный мыслитель русского нигилизма»* посвящена биографии и взглядам Писарева. Теоретик и сотрудник журнала «Русское слово», ушедший из жизни в возрасте 28 лет, он представлял радикальное крыло нигилистов. При определении понятия нигилизм автор подчеркивает роль романа Тургенева *«Отцы и дети»* в возникновении данного феномена. Для иллюстрации радикализма Писарева она цитирует его пресловутую фразу из *«Схоластики XIX века»*: *«что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам»*. Месарош подчеркивает, что Н. Писарев был нигилистом не только в социальном, но и в эстетическом смысле, кроме литературного реализма он отвергал все направления в искусстве. Глубокий нигилизм Писарева, по мнению автора, объясняется его коротким и бурным жизненным путем: потеря веры в Бога, два раза хотел покончить с собой, страдал маниакальной депрессией, его лечили в доме для душевнобольных, четыре с половиной года сидел в тюрьме за его статью, в которой он писал: *«Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть... То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу. Нам остается только дать им последний толчок...»*. В 1868 г. он утонул в море. В первую очередь его ранние статьи служили духовной питательной средой для революционного радикализма.



В четвертом блоке сборника мы находим работы по истории СССР. Здесь Акош Фориш опубликовал статью «*Партизанская и еврейская политика на восточном фронте*». Автор старается раскрыть связь между антипартизанскими карательными операциями и истреблением местного еврейского населения. Поскольку нацистское военное руководство стремилось к физической ликвидации обеих групп, по политическим соображениям они часто были отождествлены, а «юдеобольшевизм» и «антииудаизм» служили идейным фоном такого подхода. Часто массовые истребления были совершены как репрессии за «бандитизм», «саботаж» и «партизанские акции». Фориш указывает на то, что не только немцы, но и их союзники, в том числе и венгерские военные власти, ставили знак равенства между партизанами и евреями. Истребление еврейского населения в документах, донесениях часто были занесены как антипартизанские операции и мотивировались соображениями военной безопасности. В «аргументации» часто встречаются и такие моменты, что карательные акции являются ответной мерой на депортацию в Сибирь приволжских немцев. Фориш обращает внимание на то, что под лозунгом антипартизанской борьбы оккупационные войска часто действовали в еврейских гетто, так как здесь они «легче добивались успеха», чем против лесных партизан, и что «антипартизанская политика на расовой основе всегда пользовался приоритетом», даже против более трезвых предложений использовать образованных евреев в качестве рабочей силы.

Ференц Хаваш в своей статье «*Сталин-ученый: спор вокруг марризма*» занимается специфической и особой темой. В анализе проблемы он использует историографические, лингвистические и психологические методы. Контроль, установленный Ждановым над культурной жизнью империи с 1946 г., вливался в организованные кампании, породившие немало «научных дискуссий». Среди таких дискуссий есть одна, которая по своему характеру отличается от остальных. Речь

идет о споре вокруг теории советского академика-лингвиста грузинского происхождения Н. А. Марра в газете Правде (уже после смерти А. Жданова), в который лично вмешался И. Сталин. Ф. Хаваш задается вопросом, что заставило диктатора высказывать свою позицию в лингвистическом вопросе, тем самым практически решить исход дела. Научной аргументацией И. Сталина снабжал А. Чикобава, грузинский и советский лингвист и филолог, который в 1949 г. подверг острой критике теорию Н. Марра. Он несколько раз был лично принят И. Сталиным. Ф. Хаваш в своей статье указывает на то интересное обстоятельство, что И. Сталин не просто включился в этот научный спор, но он был его инициатором. На вопрос, почему собственно ему, И. Сталину, была нужна эта дискуссия, Ф. Хаваш дает многогранный ответ. С одной стороны, он подчеркивает психологические моменты, фрустрацию И. Сталина из-за дефекта левой руки (атрофия плечевого и локтевого суставов), затем, что И. Сталину очень хотелось, чтобы презренные им «мягкотелые» ученые приняли его в свой круг. По мнению автора, ревность И. Сталина к интеллектуальному наследию В. Ленина тоже могла играть свою роль. «Кроме психологических моментов» – отмечает Ф. Хаваш – «национал-большевистское мышление И. Сталина, его «патриотизм», приверженность сильной централизованной государственной власти тоже привели к тому, что он выступил против теории Н. Марра о классовом, надстройном характере языка, имевшей официальную государственную поддержку с конца 1920-х гг. (сам Н. Марр скончался в 1934 г., но у него оказалось немало последователей в советской лингвистике)». Дискуссия, в отличие от множества подобных событий в советской науке, не повлекла за собой применение административно-репрессивных мер (помимо лишения побежденных марристов возможности публикации в научных изданиях за исключением «покаяний в ошибках»). «Однако» – как отмечает автор – «дисциплинирование и прочный контроль над научными и псевдонаучными дискуссиями



по-прежнему оставались имманентной частью практики режима».

Третья статья в «советском блоке» «Государство и формализм» Аюша Силади. На первый взгляд в центре внимания автора стоят эстетические вопросы, но на самом деле в своей объемной работе он занимается философией власти. Начавшаяся в 1936 «культурная революция» была направлена, в том числе против формализма, и одной из первых мишеней оказался Д. Шостакович. Но в отличие от других представителей формализма (как напр. И. Бабель, Б. Пильняк, В. Мейерхольд), ставших жертвами сталинских репрессий, известный композитор уцелел. Талант некоторых деятелей культуры (напр. С. Эйзенштейн) И. Сталин использовал для упрочения своей власти, в отношении других следовал горьковской сентенции: «Если враг не сдаётся, – его уничтожают». А. Силади изучает связь между формализмом и революцией, он констатирует, что сталинская культурная политика вела борьбу на двух фронтах: с одной стороны, против формализма и «натуралистов формы», с другой – против натуралистов, «формалистов содержания». Авангард был слишком автономным, независимым феноменом для власти и в новых условиях оказался непригодным для формирования общественного сознания, поэтому неслучайно, что на первом этапе в области культуры большой террор был направлен на ликвидацию остатков авангарда. «Формализм» – по мнению А. Силади – «является детской болезнью революции, в идеологическом словаре сталинизма он описывается такими выражениями, как «мелкобуржуазный вкус», «пособник троцкизма», «левый перегиб», его считали «вырожденным искусством». В анализе проблемы автор публикует оригинальные документы, изучает связь между «двумя друзьями», натурализмом и формализмом. В статье упоминается роль Горького, который в одной из его публикаций нападение на формализм старался представить просто как дискуссию между художниками, Д. Заславского, который в анонимной статье «Сумбур вместо музыки» открыл но-

вую волну «охоты на ведьм», и с тех пор слово сумбур в сталинской интерпретации стало своего рода квинтэссенцией формализма. В конце статьи мы узнаем, что Д. Шостакович не только избежал репрессий, но с 1936 по 1953 г. 6 раз стал лауреатом Сталинской премии, так что его шуточно-магический прием (кусочки статьи, написанные против него, Д. Шостакович клал в маленький мешочек и носил его на шее как амулет) в этом отношении сработал.

Пятый блок сборника содержит языковедческие и культурологические статьи, которые по своей тематике не входят в компетенцию рецензентов-историков, поэтому мы из уважения к авторам и с целью показать читателям многогранность и многообразность сборника «Наша русистика», упоминаем их в нашей рецензии и коротко в 2–3 предложениях излагаем их содержание.

Первая статья в этом блоке – Илона Киш: «Рождение и развеивание одного образа России. Заметки к портрету основателя культуры Павла Флоренского». Автор изучает попытку Флоренского создать образ России как культурно-визуальной единицы. «Флоренский» – отмечает И. Киш – «искал те формы, в которых эта полнота, эта органическая единица проявляется». Эту форму, согласно его записи от 18 апреля 1925 г. он обнаружил в основании Свято-Троицкого монастыря Сергием Радонежским, в результате этого акта была создана визуальная модель единого русского духовного пространства, монастырь стал символом, определяющим место и универсальные задачи России в мире.

Эржебет Шиллер в своей статье под заглавием ««Благодатный Сибирь» Русская душа и военный плен в романах Родиона Марковича» анализирует два романа бывшего венгерского военнопленного: *Сибирский гарнизон*, принесший его автору мировую известность, и *Золотой поезд*, вышедший в свет в 1929 г. «Герои романов Марковича» – отмечает автор – «были свидетелями и участниками исторических событий, часто им приходилось принимать роковые решения, с кем они идут: с крас-



ными или с белыми». Эти решения принимались ими без видения исторической перспективы: их выбор чаще всего был ситуативный и не зависел от идеологических убеждений того или иного человека.

Жужанна Димеши в статье «*Предчувствие холокоста в произведениях Андрея Платонова*» анализирует повесть Платонова Мусорный ветер, что является одним из ранних антифашистских литературных произведений, в нем автор опередил своих современников в осознании опасности фашизма.

В последней статье блока («*Ментальные значения венгерского глагола 'прийти/уйти' в зеркале их эрзя-мордвинских и русских эквивалентов*») Илдико Палоши сравнивает эти глаголы движения не только с точки зрения динамики и передвижения в пространстве, но и изучает их эмоциональное, ментальное содержание в данных языках.

В заключении мы возвращаемся к мыслям Д. Свака о перспективах будущего. За 25 лет своего существования Институт/Центр русистики Будапештского университета добился серьезных результатов, обогатил отечественную историографию. Его будущее зависит от обстоятельств (как Д. Свак отмечает, общая атмосфера сейчас неблагоприятная для гуманитарных наук) и от смены молодого поколения. В этом отношении положение гораздо лучше, ведь в Докторской школе Центра работают молодые, талантливые аспиранты (некоторые из них публиковались и в рецензируемом сборнике), на основе их научных достижений и профессиональной подготовленности мы можем с уверенностью заявить, что через 25 лет тоже будет, о чем писать и подводить итоги.